

ЧАРОДЕИ СЦЕНЫ

В. И. КАЧАЛОВ,
(1875—1948).

Высокий человек в рабочей тужурке стоит с карандашом в руке перед белым занавесом на сцене МХАТ. От лица автора романа «Воскресение» рассказывает он о весне, пришедшей в город, о травинке, пробивающейся меж каменных плит, о Катюше Масловой, привезенной на суд.

И точно подчиняясь движению карандаша, отодвигается белый занавес, и «лицо от автора» в исполнении Василия Качалова входит в зал, где слушается дело Масловой. Короткими, точными репликами дополняет происходящее на сцене, улавливает тайные мысли и скрытые побуждения действующих лиц спектакля, помогает зрителю понять ускользнувшую от суда истину. В кабинете Нехлюдова, в камере женской тюрьмы Качалов не только читает огромные куски великолепной толстовской прозы, он сам, перерождаясь внутренне, переживает за Катюшу и Нехлюдова: и первый поцелуй у куста сирени, и заутреню, и ледоход на реке, и отчаяние Катюши на станционной платформе.

Всюду — на сцене и в партере, куда артист спускается, размышляя о превратностях человеческих судеб, в крепостной деревне, на паперти тюремной церкви, в великосветском салоне, на привале каторжников и среди ссыльных революционеров — везде его талант и редкостное артистическое обаяние способствуют выявлению, утверждают основную мысль инсценировки романа «Воскресение» — «Обижен простой народ, очень уж обижен» всем строем жизни самодержавия.

За тридцать лет до создания роли «от автора» Качалов был приглашен в Московский Художественный театр из провинции, где он с успехом играл первые роли. Увоенные там рутинные приемы игры стали причиной его жестокого провала в молодом театре, чье искусство уже прославилось в России. «Я понимал, что попал в какой-то совсем другой театр, где говорят на другом языке», — вспоминал позже Качалов. Он воспользовался разрешением Константина Станиславского, руководителя театра, присутствовать на репетициях пьесы Александра Островского «Снегурочка». «Я не мог, буквально не мог пропустить ни одной репетиции. Я первым приходил на репетицию, куда меня никто не вызывал, и последним уходил. И с каждым днем я чувствовал, как раскрываются мои глаза, как я начинаю видеть в театре то, чего никогда в нем не подозревал».

Огромная трудоспособность Качалова, его умение самостоятельно мыслить, желание постигнуть тайну нового искусства оказались сильнее привычек актерского ремесла — на роль сказочного царя Берендея Качалов был избран один, шесть других претендентов, среди которых был и Станиславский, — отвергнуты. «Это — чудо! Вы — наш! Вы все поняли!», — радовался Станиславский за Художественный театр, за талантливого артиста с прекрасными внешними данными и удивительным по красоте и выразительности голосом.

В Художественном театре Василий Качалов сыграл более 50 ролей, не повторившись ни в одной, находя для каждой свою, качаловскую, трактовку. Вдохновенно трудился он над ролью, совершенствуя беспрдельно образы, сыгранные множество раз.

В свое время Качалов не ограничился рассказом Горького и фотографией барона Бухгольца, прототипа образа Барона из пьесы «На дне». Наблюдая поведение босых на московских улицах, вглядываясь в знакомых аристократов, мысленно «переодевая их в босые отпеты», Качалов в конце концов создал неповторимого Барона, человека ничтожного, осознающего свое падение, иронизирующего и над собой и над своим падением, находящего в этой иронии единственное оправдание в

жизни. Идя от внешней характеристики, от деталей поведения, Качалов подошел к внутренней сути образа, раскрыл ее мельчайшие грани.

Вера в человека, в безграничность его возможностей, в торжество добра и разума, в утверждение счастья на земле — таков лейтмотив всего творчества Качалова. Не случайным самым дорогим образом для него был Тузенбах, провидец светлого будущего из пьесы Антона Чехова «Три сестры».

Десятилетие Октябрьской революции МХАТ отметил постановкой «Бронепоезда 14-69» Всеволода Иванова, в которой Качалов исполнил с удивительным мастерством и вдохновением роль Вершинина. Эта роль, казалось, была не для актера, создававшего по преимуществу образы людей утонченного ума и высокой культуры. Но, вопреки утверждениям скептиков, Вершинин у Качалова, оставаясь подлинным сибирским крестьянином и вожаком партизан, был народным героем, одушевленным идеей революционного преобразования мира.

Огромная часть деятельности Василия Качалова была отдана концертной эстраде. «Вы на эстраде не меньше, чем Шаляпин поющий», — говорил Качалову Немирович-Данченко — режиссер, много и успешно работавший с ним в МХАТе. Качалов мог один говорить с эстрады реплики за всех действующих лиц в актах «На дне», «Вишневого сада», и не только говорить, а произносить их от лица каждого персонажа, мгновенно перевоплощаясь в него.

Для концертных выступлений Качалов готовил такие шедевры мировой классики, как «Эгмонт» Гёте, «Прометей» Эсхила, «Манфред» Байрона, «Ричард III» Шекспира. Целые концертные программы исполнял он из произведений Александра Пушкина, Александра Островского, Антона Чехова, Максима Горького, Льва Толстого и других писателей, русских и зарубежных. Он пропагандировал с эстрады стихи Маяковского и Есенина, Пушкина и Блока, лирику Щипачева, Симонова, Тихонова и многих других поэтов.

Радио помогло артисту расширить свою аудиторию, в самых отдаленных уголках нашей Родины у него нашлись слушатели и поклонники. После передачи «Воскресения», записанного на магнитофонную пленку, Качалов получил множество писем и благодарностей за исполнение им роли «от автора».

Современники Качалова и сейчас вспоминают с волнением, как скромно, с городской простотой раскланивался он с москвичами, узнававшими его на улице, как деликатно избегал рекламной шумихи этот чудесный артист и настоящий художник.

Л. КЛИМЕНКО,
театровед.

113